

М.Л. ШУБ

**ДИАГНОСТИКА ПРОШЛОГО:
АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ**

В рамках данной статьи рассматривается проблема методологических оснований изучения прошлого - феномена полисемантического, субъективного по своей природе и поэтому порождающего «эпистемологический хаос» в научной среде. Все методологические подходы к изучению прошлого рассматриваются сквозь призму принадлежности их либо к научно-дисциплинарным (выработанным в рамках какой-либо науки или отрасли знания), либо к авторским (связанным с авторской методологической концепцией). В рамках первой группы анализируются подходы к осмыслению прошлого исторической науки, «школы Анналов», историко-семиотической школы, социологии. В рамках второй - авторские методологии С. Мейена, А. Варбурга и М.Л. Шуб.

Ключевые слова: культура, прошлое, методология, история, культурная память, коммеморативные практики

Шуб Мария Львовна - канд. культурол., доцент кафедры культурологии и социологии, Челябинская государственная академия культуры и искусств. E-mail: shubka_83@mail.ru

M.L. SHUB

**DIAGNOSTICS OF THE PAST:
ANALYSIS OF THE MAIN METHODOLOGICAL APPROACHES**

The article considers the problem of the methodological bases of studying of the past - polysemantic phenomenon, subjective by its nature and therefore generating «epistemological chaos» in the scientific environment. All methodological approaches to studying of the past are considered through a prism of their affiliation either to scientific and disciplinary (developed within any science or branch of knowledge), or to author's ones (connected with the author's methodological concept). Analysis of the first group includes approaches to judgment of the past of historical science, «school of the Annals», historical and semiotics school, sociology. Within the second group, author's methodologies of S. Meyen, A. Varburg and M.L. Shub are considered.

Keywords: culture, past, methodology, history, cultural memory, commemorative practices

Maria L. Shub - Candidate of Cultural Science, assistant professor at the Department of Cultural Science and Sociology, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. E-mail: shubka_83@mail.ru

Время, как известно, относится к числу феноменов, которые, подобно Колосу Родосскому, связывающему два берега, одновременно интегрируются в сферу интересов как «физиков», так и «лириков». Первые рассматривают его как явление природное, объективно данное и обладающее потому рядом устойчивых характеристик (длительность, монолитность и пр.). Вторые же относятся ко времени как к категории сугубо субъективной, воспринимаемой и оцениваемой человеческом сознанием и, следовательно, лишённой строгих регламентированных параметров. Естественными являются и коренные различия в методологии изучения физического (научно-верификационная методология) и «человеческого» (интерпретативно-понимающая методология) времени. Факт наличия двух образов или концепций времени впервые был отмечен, пожалуй, в статье П. Сорокина и Р. Мёртона.

Эти два образа времени они определили как «астрономическое время» («время часов») и «социальное время»: «Астрономическое время одинаково, однородно, оно является чисто количественным, лишённым качественных различий. Можем ли мы так же охарактеризовать социальное время? Очевидно, что нет - существуют праздники, дни, посвящённые выполнению определённых общественных функций, «счастливые» и «несчастливые» дни, базарные дни и т.д.» [10, с. 235].

В рамках данной статьи мы более подробно остановим своё внимание на проблемах диагностики социального формата времени и более конкретно - на методологии изучения прошлого. Её специфика во многом определяется самой природой прошлого - субъективной, вариативной, полисемантической.

В целом всё разнообразие методологических подходов можно условно разделить на две большие категории:

Научно-дисциплинарные (выработанные в рамках какой-либо науки или научной отрасли);

Авторские (связанные с наработками конкретного исследователя).

Безусловно, каждый автор так или иначе соотносим с определённой сферой науки, и созданная им методологическая модель так или иначе связана с общими методологическими установками данной сферы. Равно как и методология науки в целом может основываться на ряде авторских подходов. Поэтому выделенные нами группы не разделены между собой непродолимой границей, но их выделение поможет нам более или менее сориентироваться в огромном массиве диагностического материала.

Итак, остановимся кратко на некоторых примерах обеих категорий.

В рамках анализа общенаучных подходов к познанию прошлого приведём позицию известных российских исследователей, занимающихся хронопроблематикой, И.М. Савельевой и А.В. Полетаева. Учёные выделяют типы знания о прошлом, точнее такие типы знания, в рамках которых конструируется прошлая социальная реальность: религиозное, философское, идеологическое, эстетическое, научное (историческое, прежде всего), обыденное [9, с. 33].

Каждому типу знаний (или темпоральных универсумов) соответствует свой эпистемологический подход (кроме обыденного, поскольку сам по себе он существует в методологически стерильном пространстве и изучается с помощью инструментов различных наук).

Кроме того, авторы подчёркивают, что границы между разными типами знаний достаточно размыты, более того, некоторые из них первоначально относились к обыденным и обрели иной статус лишь со временем (например, искусство и даже философия) [8, с. 19].

По мнению И. Савельевой и А. Полетаева, особое место в ряду методологий разных типов знания занимает историческая методология, поскольку лишь она имеет прошлое в качестве непосредственного предмета изучения. Однако авторы, к сожалению, не останавливают своё внимание на анализе специфики исторического подхода к познанию прошлого (в сравнении с культурологическим, этнопсихологическим, методу-подходом и другими), тогда как этот вопрос до сих пор является поводом для жарких научных дискуссий.

Так, Ф. Арьес полагает, что история в отличие от других дисциплин диагности-

рует прошлое как совокупность последовательных и логически ясных фактов, она оперирует большими конгломератами событий (экономика, политика, военная история и пр.), не акцентируя своё внимание на «мелочах» [1, с. 242]. Он же полагает, что методология исторической науки, как никакая иная, ангажирована интересами настоящего.

Аналогичной позиции придерживается и Р. Коллингвуд: «Историки работают с некоторой целью - по существу затем, чтобы формировать коллективную память исторического цеха и, в конечном счёте, общества, в котором живут. Учёное разыскание стремится к тому, чтобы преобразить коллективное понимание прошлого» [5, с. 76].

Р. Козеллек и Я. Ассман границу между историческим и неисторическим постижением прошлого проводят по месту разрыва памяти: историю интересует лишь пространство реальности, свободное от памяти, от живых переживаний, воспоминаний. Для этого Р. Коззелек вводит понятия «прошлое настоящего» (прошлое, изучаемое, скажем, культурологами, психологами) и «чистое прошлое» (интересующее историков): «“Прошлое настоящего” насыщено личными воспоминаниями и чувствами, которыми живущие вовлечены в прошлое, которыми они с ним связаны. Только когда перестают действовать эти стратегии овладения прошлым, оно может перейти к историкам, методично и беспристрастно начинающим свою работу по реконструкции событий и их интерпретации» [3].

Ж. Ле Гофф, известный представитель «Школы Анналов», критикуя методологию «большой истории» за интерес лишь к поверхностному уровню событийного времени, основу изучения прошлого видит в осмыслении глубинного уровня медленно изменяющихся реалий - уровня «долгой длительности» (по Ф. Броделю) [6, с. 18]. К слову сказать, историки данной школы выработали своё понимание специфики изучения прошлого. Их подход «предполагает апелляцию к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса: значимым признаётся то, что является значимым с их точки зрения. Речь идёт, таким образом, о реконструкции тех субъективных мотивов, которые оказываются непосредственным импульсом для тех или иных действий (так или иначе определяющих ход событий)» [11, с. 11].

Близким к описанному является и подход, выработанный представителями культурно-семитической традиции изу-

чения прошлого (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский и др.).

В рамках анализа дисциплинарных методологий нельзя не отметить исследовательскую позицию, выработанную представителями так называемых «memory studies» (М. Хальбвакс, Я. и А. Ассман, П. Нора и др.). Несмотря на то, что исследователи, принадлежащие к данной научной группе, формировали собственные инструменты осмысления прошлого (М. Хальбвакс через диагностику социальных рамок памяти, Я. Ассман через изучение культурной памяти, П. Нора через анализ коммеморативных практик) все они в качестве базовой аналитической точки отсчёта выбирали феномен памяти.

Уже упоминавшихся нами И.М. Савельеву и А.В. Полетаева можно назвать представителями ещё одной дисциплинарной методологии - социологической (или социолого-культурной). В её рамках для изучения феномена прошлого в ракурсе знаний, мнений и представлений о нём используется социологический инструментарий, позволяющий на базе анализа статистического материала сконструировать интерпретативную модель прошлого. К слову говоря, автор данной статьи также нередко обращается к социологической методологии. Так, им было проведено масштабное социологическое исследование, направленное на выявление места прошлого в системе ценностей современных россиян.

Говоря об авторских методологических подходах к изучению прошлого, мы остановимся лишь на нескольких из них (анализ более широкого перечня - задача отдельного исследования) - С. Мейена, А. Варбурга и автора данной статьи.

С.В. Мейен выстроенную им методологию называет «темподесиненцией» (расстворение во времени). Он полагает, что постижение прошлого должно выстраиваться по схеме: объект - след - знание. У прошлого, по его мнению, есть свойство растворять следы - упоминания о каких-то событиях, явлениях, фактах. Поэтому задача реконструктора прошлого состоит в восстановлении этих следов (или темподесинентных свойств агентов прошлого) [7, с. 92].

А. Варбург, выдающийся исследователь искусства, также выработал собственную, иконологическую методологию изучения прошлого.

Он полагал, что «дух времени» (то есть специфику социальной реальности в тот или иной исторический период) можно и нужно диагностировать по деталям - узорам на тканях, фасонам костюмов и

пр. Такие детали он называл «символами», то есть «некричащими хранителями памяти», носителями изначального, но постепенно ослабляющегося культово-магического потенциала, энергетически консервами [4, с. 28].

Суть иконологического метода А. Варбурга, таким образом, заключается в изучении изобразительных текстов культуры, отдельных визуальных деталей или мотивов, а также соответствующей им письменной традиции в диахронии. В его методологии, интегрирующей и семиотические, и интертекстуальные позиции, особое место занимает не столько интерпретация, сколько переинтерпретация текстов и выявление на этой основе непосредственных контактов удалённых эпох через «встречу» образов.

В заключение хотелось бы остановить своё внимание на частной методике анализа прошлого, разработанной автором настоящей статьи, а именно - методике образно-визуальной репрезентации мнений, применяемой нами при проведении массовых опросов населения. Более подробно её специфика и особенности апробации излагались нами на страницах более ранних публикаций [12], сейчас хотелось бы лишь кратко охарактеризовать её суть. Она заключается в том, что респондентам предлагается не просто выбрать из предложенных вариантов ответов один или несколько или ответить на открытый вопрос, а выразить свое мнение посредством выбора предложенных произведений искусства. Логика группировки произведений не артикулируется, то есть никак не обозначается для отвечающего, хотя, вероятно, её и можно уловить, исходя из характера заданий.

Специфика данной методики заключается, главным образом, в том, что она предполагает опосредованную форму выявления мнения респондентов не через систему «конкретный вопрос - конкретный ответ», а через более сложную систему «задание - выбор - анализ выбора». То есть готового вопроса, подразумевающего вытекающее из него конкретное мнение, не предусмотрено. Мы имеем дело лишь с неким заданием (выбрать произведение искусства), выполнение которого не даёт респонденту ясного понимания конечного значения данного выбора для анкетёра. Сам по себе этот сделанный выбор не несёт никаких самостоятельных коннотаций. Он важен лишь в контексте тех смыслов, значений, оппозиций, которые были заложены в него на стадии разработки заданий, а также в контексте последующего анализа. Кроме того, специ-

фику данной формы репрезентации мнений дополняет и то, что в качестве источника мнения, опосредующего высказывание респондента, выступают произведения искусства - художественные тексты в отличие от традиционных тестов привычной анкеты.

Таким образом, из сказанного выше становится понятным, насколько многообразен и разнообразен арсенал методов и инструментов изучения прошлого. Исследовательский выбор в пользу того или иного из них определяется лишь целью и предметом научного анализа. Однако Ф. Артог был убеждён, что каждая эпоха ощущимо тяготеет к тому или иному методологическому подходу, что в рамках каждой эпохи существует свой «режим историчности», под которым в узком смысле следует понимать доминирующую в обществе методологическую программу осмысления прошлого. Тот или иной режим являет собой нечто большее, чем просто «эпистемологическую моду», он - есть зеркало самой эпохи, инструмент общечеловеческой саморефлексии: «То, как мы узнаём наше прошлое, говорит о том, кто мы есть сами...» [1, с. 232].

Список литературы

1. Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. - 2008. - №3 (59). - URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/ar3.html>
2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. - М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. - 528 с.
3. Ассман А. Трансформации нового режима времени // «НЛО» Независимый филологический журнал. - 2012. - № 116. - URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/a4.html#_ftnref7
4. Васильев А. Теория социальной памяти Аби Варбурга // Философия и теория искусства. Эстетика. Критика и искусствознание. - 2009. - № 1-2. - С. 24-37.
5. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. - М.: Наука, 1980. - 485 с.
6. Ле Гофф Ж. История и память. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2013. - 303 с.
7. Мейен С.В. Исторические реконструкции в естествознании и типология // Эволюция материи и её структурные уровни. - М., 1981. - С. 90-93.
8. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1. Конструирование прошлого. - СПб.: Наука, 2003. - 632 с.
9. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации: Препринт WP6/2005/02. - М.: ГУ ВШЭ, 2005. - 52 с.
10. Сорокин П., Мертон Р. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Хрестоматия выдающихся социологических сочинений. - М.: Время X, 2005. - С. 233-312.
11. Успенский Б.А. Семиотика истории. Семиотика культуры. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. - 608 с.
12. Шуб М.Л. Основные темпоральные характеристики художественных предпочтений / М.Л. Шуб // Вестник МГУКИ. - 2012. - № 5. - С. 218-223.